

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

ДРУЖИНИНА ИНГА АЛЕКСАНДРОВНА

**ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
XIII–XVIII ВВ.
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АДЫГСКИХ НАРОДОВ**

Исторические науки:
07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

МОСКВА
2018

Работа выполнена в отделе теории и методики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук

Научный руководитель:

Афанасьев Геннадий Евгеньевич,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела теории и методики
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института археологии Российской академии наук

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, *Зиливинская Эмма Давидовна,*
ведущий научный сотрудник Отдела физической антропологии
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института этнологии и антропологии Российской академии наук

кандидат исторических наук, *Носкова Людмила Михайловна,*
заведующая отделом истории материальной культуры и древнего искусства
народов Востока Федерального государственного бюджетного учреждения
культуры «Государственный музей искусства народов Востока»

Ведущая организация

Институт истории, археологии и этнографии
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Дагестанского научного центра Российской академии наук

Защита состоится «22» марта 2019 г. в 12.00. на заседании совета Д002.007.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук по адресу: Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, 4 этаж, конференц-зал

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИА РАН по адресу: Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, а также на сайте ИА РАН, в разделе Диссертационный совет: <http://www.archaeolog.ru/?id=13>

Автореферат разослан «____»

2019 г.

Ученый секретарь совета
Доктор исторических наук

А.А. Завойкин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Изучение курганных и грунтовых могильников адыгов продолжается более 140 лет. Вплоть до настоящего времени материалы раскопок погребальных памятников остаются основным источником по средневековой, а отчасти и новой истории адыгских народов. И, как следствие, изучение погребального обряда адыгов по материалам археологии, закономерно является одной из приоритетных тем северокавказской медиевистики. Среди трудов, имеющих наибольшее значение для разработки этой обширной проблематики, – исследования В.П. Левашевой¹, О.В. Милорадович², Е.П. Алексеевой³, Л.И. Лаврова⁴, А.Х. Нагоева⁵, М.Л. Стрельченко⁶.

Актуальность темы обусловлена несколькими причинами. Прежде всего, целый ряд устоявшихся в историографии положений требует сегодня тщательной ревизии и критического переосмысления. Так, в исследованиях, посвященных погребальному обряду адыгов, проводилась систематизация материала подкурганных погребений без их предварительного хронологического и этнокультурного дифференцирования. При этом не учитывались изменения субэтнической картины региона, являвшиеся результатом частых перемещений различных групп адыгов, эволюция их религиозных представлений, наряду с адыгскими погребальными

¹Левашева В.П., 1953. Белореченские курганы // Археологический сборник. Труды государственного исторического музея. Вып. XXII. М. С. 163-213.

²Милорадович О.В., 1954. Кабардинские курганы XIV–XVI вв. // Советская археология. Том XX. С. 343–356.

³Алексеева Е.П., 1959. Очерки по истории черкесов в XIV–XV вв. // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. III. Черкесск. С. 3–82, карта.

⁴Лавров Л.И., 1959. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.

⁵Нагоев А.Х., 2000. Средневековая Кабарда – Нальчик. 232 с.

⁶Стрельченко М.Л., 1968. Материальная культура адыгейских племен Северо-Западного Кавказа в XIII–XV вв. Краснодар. Диссертация на соискание уч. степ. канд. исторических наук. Архив ИИМК РАН. Ф-35. Опись 2-д. Ед. хр.176; Стрельченко М.Л., 2003. Особенности погребального обряда могильников Северо-Западного Кавказа XIII–XV вв.// Древности Кубани. Вып. 19. Краснодар. С. 30–38.

памятниками в обобщающие типологические схемы попадали курганные могильники соседних народов, что в неверном свете отражало место и роль различных этносов в историческом прошлом Северного Кавказа. Поэтому первоочередной задачей является тщательная проверка самой источниковой базы.

Сегодня неоспоримым фактом является и то, что бытование у предков адыгов подкурганного ингумационного обряда далеко выходит за обозначенные в обобщающих исследованиях XX в. рамки XIV–XVI вв. По материалам биритуальных могильников Северо-Западного Кавказа истоки этого обряда фиксируется с конца XIII в. Исчезает традиция возведения курганной насыпи над умершим у восточного адыгского субэтноса – кабардинцев к концу XVII – началу XVIII в.⁷, а у западных адыгов в ряде районов она известна вплоть до этнографической современности (аул Тхагапш, Лазаревский район).

Наконец, со времен выхода в свет в самом конце 50-х гг. прошлого века работы Е.П. Алексеевой, посвященной общей характеристике погребального обряда средневековых адыгов⁸, новых исследований, в которых были бы рассмотрены курганные могильники, распространенные на всей территории расселения адыгских племен, не было. Между тем на порядок увеличилась база археологических источников, которая позволяет ставить и решать новые научные задачи и проблемы. В частности впервые на основе изучения погребальных памятников адыгов всей обширной территории их расселения в эпоху средневековья – нового времени, рассматривается эволюция погребального обряда и их религиозных представлений.

Цель исследования заключается в характеристике погребального обряда адыгов эпохи средневековья и нового времени: истоков его формирования, эволюции и локальных вариантов.

⁷ Нагоев А.Х., 2000. Средневековая Кабарда... С. 74

⁸ Алексеева Е.П., 1959. Очерки по истории черкесов... С. 3–82, карта.

Основными задачами работы являются анализ и обобщение материалов грунтовых и курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв., этнокультурная атрибуция памятников, которые в историографии рассматриваются как адыгские, характеристика погребального инвентаря, разработка относительной хронологии могильников, выявление их локально-территориальных особенностей.

Объектом исследования является этно- и культурогенез адыгов. Предметом исследования выступают материалы археологического изучения грунтовых и курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв., отражающие формирование и особенности исторического развития адыгских народов в эпоху средневековья и нового времени.

Источниками работы являются материалы 270 курганных и грунтовых могильников (более 2300 погребений), связываемых историографической традицией с погребальными памятниками средневековых адыгов. Эти памятники картографированы. Самые общие сведения о них представлены в таблице 1 Приложения 1 диссертации. Обработаны полевые отчеты о раскопках, находящиеся на хранении в архивах Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН, а также коллекции находок из фондов и экспозиций Государственного исторического музея, Государственного Эрмитажа, Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, Национального музея Республики Адыгея, Национального музея Грузии им. С. Джанашиа.

Хронологические рамки работы. Истоки погребального обряда адыгских субэтносов, который в общих чертах (одиначные ингумации под индивидуальной курганной насыпью, с западной ориентировкой погребенного, отсутствие предметов конской упряжи в составе погребального инвентаря) в не измененном виде доживает до XVIII в., обнаруживаются в памятниках XIII–XIV вв. Формирование обряда

происходило в условиях глубоких военно-политических, демографических, этнокультурных потрясений, причиной которых стало начавшееся в 20–30-х гг. XIII в. монгольское завоевание Северного Кавказа. Нижний временной рубеж исследования связан с распространением среди населения Северного Кавказа ислама в XVII–XVIII вв. и почти повсеместным утверждением мусульманского погребального обряда.

Территориальные рамки исследования обусловлены границами распространения погребальных памятников XIII–XVIII вв., связываемых историографической традицией с адыгскими «племенами». В хронологическом диапазоне XIII–XV вв. рассматриваются грунтовые и курганные могильники, расположенные в Северо-Восточном Причерноморье (применительно к современному административному делению – на прибрежной полосе и в предгорьях от района Сочи до окрестностей Анапы) и в Закубанье. В восточных письменных источниках этого времени *полиэтническое население* Северо-Восточного Причерноморья и Северо-Западного Кавказа упоминается под названием *черкесы*. В 1502 г. европейцам становится известен этноним *адыги*, впервые зафиксированный в труде Джорджио Интериано. Примерно в это время, с распадом Большой Орды, начинается массовое продвижение племен Северо-Западного Кавказа, в том числе адыгских, на юго-восток, в районы Пятигорья, междуречья Малки и Терека, где происходит формирование восточного адыгского субэтноса – кабардинцев. Наибольшая территория расселения адыгов сформировалась к XVI–XVII в., когда, помимо районов Северо-Западного Кавказа, освоенных их предками в домонгольское время, территория, занимаемая адыгскими племенами, включала полосу предгорий и равнин Центрального Предкавказья вплоть до междуречья Сунжи и Фортанги.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, системности и объективности. Использованные в работе методы (сравнительно-типологический, комплексного анализа археологического

материала и письменных источников) определяются поставленными задачами и состоянием корпуса археологических и нарративных источников.

Научная значимость диссертации заключается в анализе и обобщении в контексте изучения погребального обряда адыгов эпохи средневековья и нового времени значительного по объему материала, полученного в ходе археологического исследования курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа. На широком фоне аналогий представлена характеристика погребального обряда и инвентаря. Выделены датирующие признаки погребального обряда и группы находок, которые могут рассматриваться в качестве хроноиндикаторов. Разработана первая относительная хронология могильников XIII–XVIII вв., соотносимых историографической традицией с адыгскими памятниками, исследованных на обширной территории равнин и предгорий от Северо-Восточного Причерноморья до Верхнего и Среднего Притеречья. Выявлены инокультурные, иноэтничные компоненты обряда, прежде всего, заимствованные адыгами в ходе освоения территории Центрального Предкавказья. В ряде случаев поставлен вопрос о необходимости пересмотра этнокультурной атрибуции могильников и отнесении их к памятникам соседних с адыгами этнических и культурных общностей и народов.

Новизна работы заключается в том, что в ней впервые рассматриваемые археологические памятники дифференцированы не в соответствии с их современной административно-территориальной локализацией, а по хронологии и особенностям обряда. Подобный подход позволил представить общую картину эволюции погребальных традиций и верований адыгов на протяжении исторических эпох позднего средневековья и нового времени. Значительная часть материала впервые включена в обобщающую работу по изучению погребального обряда «адыгских племен».

Практическая значимость. Результаты и выводы диссертации могут быть использованы при изучении общих вопросов средневековой и новой истории адыгов; при разработке курсов лекций и написании обобщающих

работ по истории и археологии Северного Кавказа, при создании музейных экспозиций.

Личное участие автора в получении результатов диссертации.

И.А. Дружининой проведены исследования семи курганных могильников Закубанья XIV–XVIII вв. Полученные результаты включены в диссертацию. Соискателем обработаны и введены в научный оборот материалы раскопок курганных могильников адыгов, хранящиеся в архивах и фондах Института археологии РАН (Москва), Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), Государственного Исторического музея (Москва), Национального музея Грузии им. С. Джанашиа (Тбилиси).

Положения, выносимые на защиту:

1. По материалам погребальных памятников второй половины XIII–XIV вв. в Северо-Восточном Причерноморье и Закубанье выделены четыре основные погребальные традиции, связанные с различными этническими группами. С первой традицией соотнесены погребения в каменных ящиках, распространенные на территории от Ново-Михайловского до Геленджика, по меньшей мере, с раннего средневековья, а также каменные ящики Анапы–Новороссийска, фиксируемые в этом районе с XIII в. Данная группа памятников оставлена зихскими племенами.

Со второй традицией связан обряд кремационных погребений, основными носителями которого в XIII в. являлись ассимилированные потомки тюркских или угорских племен, появившихся в регионе еще на рубеже VII–VIII вв. Носители обряда кремаций занимали территорию на побережье – в районе Геленджика и Новороссийска, а также населяли предгорья и часть степной зоны Западного Закубанья.

С третьей традицией связаны подкурганные ингумации с восточной или западной ориентировкой погребенного, в деревянных погребальных конструкциях, в том числе в колодах. Захоронения совершались в ямах или впускались в насыпи. В составе погребального инвентаря нередко присутствуют предметы конской упряжи. Эта традиция привнесена в регион

кочевниками половецкого племенного союза, а, возможно, и другими кочевыми коллективами. С данной группой населения связано распространение в регионе курганного обряда, практики возведения вокруг насыпи обкладки из поставленных на ребро камней и подпрямоугольных оградок, ориентированных углами по сторонам света. Наибольшая концентрация погребений третьей группы локализуется в районе Новороссийска. Появление на территории степного Закубанья могильников с впускными ингумациями с восточной ориентировкой погребенных и предметами конской упряжи в вещевом комплексе может быть рассмотрено как свидетельство проникновением кочевников и во внутренние районы Северо-Западного Кавказа.

Четвертую традицию представляют грунтовые ингумации с западной ориентировкой, локализующиеся в устье р. Псекупс, а также в предгорьях Закубанья. Эти памятники оставлены оседлыми местными племенами, известными в письменных источниках как жители Касахии и Страны Каса, кашаки, касоги.

Различные варианты взаимопроникновения этих четырех основных традиций рассматривается как основная причина формирования локальных вариантов погребальных обрядов и основание для выделения локальных групп памятников. Ранее исследователи в качестве таких причин называли различия в погребальных обычаях отдельных черкесских племен⁹ или наличие «локальных вариантов материальной культуры адыгейских племен XIII–XV вв.»¹⁰.

2. Для памятников второй половины XIII–XIV вв. выделены особенности обряда, которые можно рассматривать в качестве хроноиндикаторов: отсутствие / наличие курганной насыпи, ориентировка: северная / западная, положение кувшина в погребении: в изголовье / в ногах, положение камней в обкладке по основанию кургана: на ребре / плашмя,

⁹ Алексеева Е.П., 1959. Очерки по истории черкесов... С. 21-22.

¹⁰ Стрельченко М.Л., 1968. Материальная культура адыгейских племен... Л. 23-61.

количество гробниц под одной насыпью и количество погребенных в гробнице: сооружение индивидуальных гробниц – подзахоронение умерших в одну гробницу. Первый признак в каждой из этих пар характеризует ранние комплексы (втор. пол. XIII в.), к концу XIV в. вытесняется контрпризнаком.

3. На унификацию погребальных традиций полиэтничного населения Северо-Восточного Причерноморья и Закубанья, известного в восточных источниках под именем *черкесы*, оказывали влияние три фактора: 1. этнокультурное взаимодействие, в результате которого появлялись общие, «усредненные» варианты обряда или распространение погребальных практик одной этнической группы, которые принимали все остальные (например, практика захоронений под курганной насыпью), 2. влияние христианства, 3. социально-политическое развитие региона: отсутствие единого государства или общеплеменного союза в дозолотоордынский период отражало сильные позиции родовых языческих культов, но уже к XIV в. прослеживается унификация верований и обрядов, которую можно рассматривать в том числе и как результат политики ханов Улуса Джучи, в орбиту прямого влияния которого были включены население и территория Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья.

4. В верховьях Кубани и в Пятигорье памятники XIII–XIV вв., которые можно было бы связать с предками адыгов, не выявлены. Большая часть могильников, оставленных в этих регионах выходцами из Северо-Западного Кавказа – «черкесские» и «кабардинские курганы» – относятся к XVI в.

5. Особая группа погребений XV–XVI в. в колодах, установленных вверх и вниз дном (часто при наличии такой особенности, как обмазка глиной и/или засыпка каменным щебнем дна могилы, колоды и самого погребенного), выявлена на территории Пятигорья и в зоне распространения малокабардинских курганов – в междуречье Уруха и Фортанги (плоскостные районы Северной Осетии, Ингушетии и Чечни). В междуречье Малки и Уруха – на территории Большой Кабарды – достоверно известны всего 3 погребения в колодах, что определенно указывает на этот тип погребальных

конструкций, как маркирующий присутствие этнических групп, отличных от кабардинцев.

6. Во второй половине XV–XVI вв. в междуречье Малки и Уруха выделяются четыре группы подкурганых ингумаций, отражающих сложный полиэтничный состав населения этого региона Центрального Предкавказья: погребения в ямах, в деревянных гробах, с западной ориентировкой покойного (наиболее распространены, оставлены кабардинцами); в ямах в колодах, с западной ориентировкой; в ямах, обложенных по периметру крупными камнями, умершие ориентированы на запад, север, юг, тело засыпано слоем песка или уложено на слой песка, погребения перекрыты доской, уложенной на ряд камней; под мощным каменным панцирем или каменной наброской в ямах в дощатых конструкциях без дна, но с перекрытием, ориентировка погребенных западная, в одном из захоронений этой группы выявлены кости и череп лошади.

7. К XVII в. в памятниках семи выделенных локальных районов: Северо-Восточного Причерноморья, Западного Закубанья, Восточного Закубанья, Верховьев Кубани и Зеленчука, Пятигорья, междуречья Малки и Уруха, междуречье Уруха и Фортанги фиксируются признаки перехода к погребальному обряду по канонам ислама.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации опубликованы в 61 печатной работе, обсуждены на заседании группы археологии Кавказа ИА РАН и отдела теории и методики ИА РАН (2018). По теме диссертации сделаны доклады на XXIV–XXX «Крупновских чтениях» по археологии Северного Кавказа (Нальчик, 2006; Владикавказ, 2008; Магас, 2010; Махачкала, 2012; Москва, 2014; Грозный, 2016; Карачаевск, 2018); IV–VI Кубанских археологических конференциях (Краснодар, 2005; 2009; 2013); всероссийской научной конференции «Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии» (Москва, 2005); III, VII международной научной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова «Город и степь

в контактной евро-азиатской зоне» (Москва, 2006, Ялта, 2016); международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе (Махачкала, 2007); XI Боспорских чтениях (Керчь, 2010); IV (XX) – V (XXI) Всероссийских археологических съездах (Казань, 2014; Барнаул, 2017); XV Ежегодной Московской конференции «Восточные древности в истории России. Эпоха средневековья и ее археологическое окружение» (Москва, 2018); XXVI, XXIX и XXX Чтениях памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (Москва, 2014; 2017; 2018); IV и X Международные византийские семинары ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» (Севастополь, 2012, 2018); XIV научных Созюмовских чтениях «Византийский мир: реалии и интерпретации» (Екатеринбург, 2018), Первой Абхазской Международной археологической конференции (Сухуми, Абхазия, 2006), международной конференции «Европейские степи и Нижнее Подунавье в VII–XIV вв.» (Добрич, Болгария, 2006) и Fourth International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe (Каир, Египет, 2011).

Структура работы. Диссертация состоит из двух томов. Том I включает введение, шесть глав, заключение, список архивных материалов, список использованных источников и литературы. В Томе II представлен каталог и карта памятников, иллюстративный блок.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность, новизна, научная и практическая значимость исследования, цель и задачи работы, указываются географические и хронологические рамки, методика и источники. В отдельном параграфе рассматриваются исторические этнонимы, связываемые с предками средневековых адыгов.

Глава 1. Археологическое изучение курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья, Северо-Западного Кавказа и районов Центрального Предкавказья XIII–XVIII вв.

История археологического изучения средневековых курганных могильников, насчитывающая более 140 лет, отражает основные вехи и направления развития отечественной археологии. Выделены три периода.

1. *Вторая половина XIX в. – 1910-е гг. Начало изучения курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья и Закубанья.* В рамках этого периода выделяются 2 этапа: 1.1. вторая половина XIX в. – конец 1870-х гг. Деятельность археологов – любителей; 1.2. Конец 1870-х гг. – 1910-е гг. Начало профессионального научного изучения средневековых курганных могильников. Работы специалистов из Императорской археологической комиссии и Московского археологического общества. Деятельность местных краеведческих обществ.

2. *1920-е гг. – 1980-е гг. – Изучение курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа в рамках советской методологической школы.* Во II периоде выделяются четыре этапа: 1920-е гг. – «Золотой век» краеведения: полевые исследования средневековых курганных могильников, проводимые сотрудниками северокавказских краеведческих обществ. Деятельность археологов столичных археологических центров; 1930-е гг. – Централизация процесса изучения археологических памятников Северного Кавказа. Деятельность археологических экспедиций головных археологических институтов СССР; Вторая половина 1940-х гг. – 1950-е. Работа экспедиций ИИМК и научных археологических центров на базе региональных научно-исследовательских институтов; 1960-е – 1980-е гг. Крупномасштабные *новостроечные* археологические исследования. Целеноправленное научное изучение могильников черкесов и кабардинцев.

3. *1990-е – 2000-е гг. Археологическое изучение средневековых курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья, Северо-Западного Кавказа и Центрального Предкавказья на современном этапе.* Выделено два этапа: 1990-е гг. – Свертывание научного изучения погребальных памятников черкесов и кабардинцев. Новостроечные археологические исследования

курганных могильников; 2000-е гг. – по настоящее время. Возобновление целенаправленного изучения погребальных памятников адыгов Северо-Кавказской экспедицией ИА РАН. Масштабные новострочные археологические раскопки курганных и грунтовых могильников эпохи средневековья и нового времени на территории Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья.

Глава 2. Изучение погребального обряда адыгов эпохи средневековья – нового времени.

В истории изучения проблематики выделены три периода:

I период: 80-е гг. XIX в. – 10-е гг. XX в.;

II период: 20-е гг.– 80-е гг. XX в., в рамках которого выделяются два подпериода 20-е гг. –50-е гг. XX в. и 60-е гг. – 80-е гг. XX в.;

III период: 90-е гг. XX в. – по настоящее время.

Начало профессионального археологического изучения курганных могильников XIII–XVIII вв., выявленных на равнинах и предгорьях Северо-Западного Кавказа и Центрального Предкавказья, исследования которых проводили *В.Б. Антонович, В.Л. Беренштам, Н.И. Веселовский, Н.Г. Керцелли, А.А. Миллер, Д.Я. Самоквасов, В.В. Саханев, В.И. Сизов*, в первом периоде связано с формированием представления об участии различных народов и племен в появлении этой группы памятников, о вариативности погребального обряда адыгских «племен», объясняемой инокультурным влиянием на сложение погребальных практик адыгов в различных районах их расселения.

Результаты археологических исследований в Северо-Восточном Причерноморье позволили А.А. Миллеру выделить «обычный тип погребения» для «черкесских курганов» этого района¹¹. О «типе белореченских курганов» пишет Н.И. Веселовский¹². В отдельную группу курганов «старо-кабардинского типа» выделяет могильники Центрального

¹¹ Миллер А.А., 1909. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ИИАК. Вып. 33. СПб. С. 102.

¹² Отчет Императорской археологической комиссии за 1905. С. 69; ОАК за 1906. С. 77.

Предкавказья Д.Я. Самоквасов¹³. В этом периоде появились и первые наработки в области хронологии курганных древностей.

Второй период связан с глубокими социально-политическими потрясениями в стране, установлением советской власти и, как следствие, внедрением в историческую науку новой методологии, базировавшейся на марксистской идее смены общественно-экономических формаций как основы исторического процесса. На развитие советской археологии 1920-х – первой половины 1930-х гг., в т.ч. и археологии Северного Кавказа, определяющее влияние оказала яфетическая теория (теория стадиальности) Н.Я. Марра. С середины 1930-х гг. перед советскими историками на первый план была выдвинута задача изучения истории конкретных народов СССР.

Во второй половине 1940-х – 1950-х гг. были подготовлены капитальные истории адыгских народов: в 1946 г. вышли в свет «Краткий исторический очерк Кабарды» Г.А. Кокиева и обширное исследование «Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев)», работа А.П. Смирнова «К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным» 1948 г., «Древняя история и культура Кабарды», подготовленная Крупновым Е.И. в 1957, и «Очерки истории Адыгеи» (1957). В этих работах обосновывалось непрерывное поступательное развитие адыгской общности в эпоху средневековья, не испытывавшей какого-либо значительного культурного влияния извне.

В русле этих идей в первой половине 50-х гг. XX в. подготовлены обобщающие работы, посвященные отдельным территориальным группам могильников – Белореченским курганам Закубанья¹⁴, курганам в верховьях Кубани¹⁵, кабардинским курганам Центрального Предкавказья¹⁶. Все эти памятники рассматривались исследователями как «могильники адыгских

¹³ *Самоквасов Д.Я.* Могильные древности Пятигорского округа (Отчет об археологической командировке на Кавказ в 1881 году). СПб. 1882. С. 1-31.

¹⁴ *Левашева В.П.*, 1953. Белореченские курганы... С. 163-213.

¹⁵ *Минаева Т.М.*, 1954. Кабардино-черкесские курганные могильники в Ставропольском крае // МИСК. – Вып. 6. – Ставрополь. – С. 287-305

¹⁶ *Милорадович О.В.*, 1954. Кабардинские курганы... С. 343–356.

племен»; выявляемые на их материалах особенности объяснялись многообразием языческих представлений и погребальных обрядов адыгов.

Дальнейшее изучение погребального обряда средневековых предков адыгов на втором этапе связано с существенным увеличением источниковой базы по курганным могильникам в результате масштабных археологических исследований, проводившихся на Северном Кавказе новостроечными экспедициями. Особое значение в это время получает решение вопроса о хронологии кабардинских курганов.

Демократизация советского общества в 1980–1990-е годы способствовала росту национального самосознания и, как следствие, появлению настоящих битв «за историческое прошлое» на страницах научных работ, квази- и псевдонаучных публикаций, в сети Интернет. С другой стороны, несмотря на то, что перед профессиональными исследователями открылся весь спектр течений и направлений исторической науки, в разы увеличился фонд источников, изучение центральной проблематики развивается во многом в рамках, унаследованных от идейных установок и научных концепций середины прошлого столетия.

Тем не менее, в изучении погребального обряда адыгов XIII–XVIII вв. проделана огромная работа. На протяжении третьего периода продолжают активные полевые исследования погребальных памятников на Северо-Западном Кавказе и в Центральном Предкавказье. Обобщение накопленных археологических материалов, в том числе погребальных памятников других народов Северного Кавказа эпохи средневековья, позволяет сегодня на новом методическом и информационном уровне обратиться к изучению центральной проблематики. Разрабатываются вопросы типологии и датировки отдельных категорий погребального инвентаря, хронологии и особенностей отдельных могильников и целых групп памятников. На первый план выходит проблематика этнокультурного взаимодействия на территории Северного Кавказа в XIII – XVIII вв. и вопросы о взаимовлиянии обычаев адыгов и традиций соседних народов. Появляются работы, посвященные

результатам анализа материалов памятников отдельных регионов. Остро ощущается необходимость в новом обобщающем исследовании аккумулятивной к настоящему моменту информации по средневековым курганам Северного Кавказа XIII – XVIII вв.

Глава 3 Общая характеристика погребальных памятников второй половины XIII–XVIII вв. содержит анализ микротопографии и структуры могильников; классификацию насыпей (по составу, стратиграфии и дополнительным внешним конструкциям) и других надмогильных и подкурганных сооружений (могильных ям и прочих конструкций). По материалу изготовления рассматриваемые конструкции разделены на каменные, деревянные, металлические; по конструкции – на простые, лежащие в одной плоскости, не образующие замкнутого пространства (подсыпки, вымостки, оградки, обкладки, настилы, перекрытия), и сложные, образующие замкнутое пространство (каменные ящики, крепидообразные гробницы, гробы, колоды, срубы).

В **Главе 4 Характеристика погребального инвентаря (XIII–XVIII вв.)** рассмотрены категории находок, имеющие значение для датировки памятников: предметы вооружения – защитного (шлемы, кольчуги, умбоны щитов) и наступательного (стрелы и детали луков, сабли, шашки и детали их ножен, длинные ножи и кинжалы, наконечники копий, шестоперы и булавы, топоры); предметы быта и орудия труда (ножи, кресала, ножницы, наперстки, зеркала); украшения и детали костюма (серьги, кольца, перстни, браслеты, пуговицы, пряжки), керамика, стеклянная посуда (декантеры, кубки), металлическая посуда (ковши, чаши, миски, кубки), монеты.

В **Главе 5 Локальные варианты погребального обряда населения Северо-Восточного Причерноморья и Северо-Западного Кавказа второй половины XIII – XV вв.** на основе особенностей обряда и вещевого комплекса выделены три хронологических горизонта памятников: втор. пол. XIII в. – нач. XIV в.; первая пол. XIV в.; вторая пол. XIV в. – первая пол. XV в., в рамках которых выявлены локальные группы могильников (Северо-

Восточное Причерноморье: район Ново-Михайловского, район Геленджика, район Новороссийска, район Анапы–Гостагаевской–Раевской; Западное Закубанье: нижнее и среднее течение Кубани (равнинная полоса); предгорья Западного Закубанья; Восточное Закубанье). Представлена их характеристика.

В Главе 6 Локальные варианты погребального обряда адыгов второй половины XV–XVIII вв. представлена характеристика погребального обряда и вещевого комплекса могильников двух хронологических групп – второй пол. XV–XVI вв. и XVII–XVIII вв. семи локальных районов: Северо-Восточного Причерноморья, Западного Закубанья, Восточного Закубанья Верховий Кубани и Зеленчука, Пятигорья, Междуречья Малки и Уруха, Междуречья Уруха и Фортанги). Особое внимание уделено вопросам датировки и этнокультурной атрибуции памятников, в ряде случаев представлены основания для пересмотра сложившихся в историографии хронологических и этнокультурных характеристик могильников.

Заключение. Эволюция религиозных представлений адыгов по данным погребального обряда. Северо-Восточное Причерноморье и Закубанье в XI–XIII вв. населяли зихи, касоги, в т.ч. носители обряда кремаций, а также потомки праболгарского населения, аланы, кочевники половецкого племенного союза. Материалы погребальных памятников региона демонстрируют сосуществование множества обрядов, сочетавших разнообразные признаки.

Однако на рубеже XIV–XV вв. археологическая картина региона выглядит довольно однородной: от района Сочи до Анапы, в предгорьях Закубанья и в устье р. Псекупс основным типом погребальных памятников становятся курганные группы с ингумационными погребениями в неглубоких ямах или на горизонте, с западной ориентировкой, без костей лошади или предметов упряжи. Именно эти черты обряда сохранились у адыгов вплоть до широкого распространения ислама.

Из всего разнообразия факторов, оказывавших влияние на формирование погребальных практик, следует выделить три основных, приведших к известному единообразию общей картины обрядов региона.

Этнокультурное взаимодействие. Оно проявлялось, в частности, в формировании смешанных обрядов. Наиболее показательный пример – восприятие местными оседлыми племенами курганного обряда, который появляется в регионе в XI в. вместе с половцами – сначала в виде впускных погребений в насыпи предыдущих эпох (н-р, мог. Циплиевский), а затем в виде небольших индивидуальных курганов. Массовое распространение обряда начинается с района Анапы–Новороссийска¹⁷ и только в XIV в. насыпи над погребениями появляются в окрестностях Сочи¹⁸.

Влияние христианства. Основным центром распространения христианства на Северо-Западном Кавказе в XI–XIII вв. являлась Зихская епархия Константинопольского патриархата в Матархе¹⁹. Помимо нахождения в погребениях предметов христианского культа, на проникновение в духовную культуру населения христианских традиций (хотя и не поколебавших прочных позиций языческих верований) указывают глубокие изменения местных обрядов. Одним из них стало постепенное замещение практики трупосожжения на трупоположение. К концу XIII в. доля кремаций в биритуальных могильниках неуклонно уменьшалась на фоне увеличения числа ингумаций²⁰. При этом, как раньше носители обряда трупосожжения при подзахоронении умершего помещали прах в урну, уже содержавшую кремированные останки его сородичей, теперь, с распространением ингумационного обряда, с этой целью многократно

¹⁷ Дмитриев А.В., 1988. К вопросу об этнической принадлежности с конем в средневековых курганах в районе Новороссийска // XV «Крупновские чтения». Тезисы докладов. Махачкала.

¹⁸ Василенко Д.Э., 2009. Погребальный обряд населения междуречья Псоу – Шахе в эпоху средневековья // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар. С. 30.

¹⁹ Чхаидзе В.Н., 2010. Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI веков // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». № 1 (5). М., С. 25.

²⁰ Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2003. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Серия Археология. М. С. 220.

использовались каменные гробницы. Этим и объясняется, на наш взгляд, распространение практики многократного использования каменных ящиков для одновременных погребений именно в районе Анапы–Геленджика – зоне, где кремационный обряд появился в конце VII в. и просуществовал до XIV в. и, напротив, подавляющее преобладание одиночных погребений в могильниках XIII–XIV в. в районе Ново-Михайловского, где кремационный обряд не имел столь длительной и широкой традиции.

Следами отжившего обряда кремации являются случаи подзахоронения праха трупосожжения в каменный ящик с ингумационными погребениями (мог. Цемдолина, Керченская щель, Гостагаевская) и нахождение в ингумационных погребениях намеренно испорченного оружия (мог. Кабардинка).

Влияние христианства в не меньшей степени испытывали и кочевники, оседавшие в регионе. В этом отношении показательны материалы оставленных полиэтничным населением с явным присутствием кочевого элемента грунтовых могильников Анапы–Гостагаевской с погребениями в каменных ящиках особой конструкции, аналогии которым известны в средневековых погребениях Тамани и Крыма. Их материалы отражают формирование в Нижнем Закубанье полиэтничной среды, помимо зихов, а также греков, алан, включавшей и кочевников, находившихся на завершающей стадии седентеризации и христианизации.

В целом, распространение христианства оказывало нивелирующее воздействие на языческие обряды различных народов и племен региона.

На эволюцию погребальных традиций племен Северо-Западного Кавказа влияли и особенности их *социально-политического развития*. Разнообразие обрядов XI–XII вв. обусловлено сильными позициями родовой знати (а вместе с этим и родовых культов). Отсутствие единого государства или общеплеменного союза, верховной, надплеменной власти препятствовало широкому распространению христианства и общей унификации погребальных традиций. Пестрота погребальных памятников

наблюдается и в первое столетие золотоордынского владычества в регионе, однако с начала XIV в. происходит их резкая унификация. Это время политики ханов Узбека и Джанибека, направленной на централизацию государства, в т.ч. и в области религии. В низовьях Кубани отмечается массовый переход носителей обряда кремаций к обряду ингумации, унифицируется ориентировка, исчезают признаки культа коня – общеимперские стандарты обряда вытесняют прежние родовые традиции.

В XV в. оседлые племена Северо-Восточного Причерноморья и Закубанья, известные в письменных источниках как *зихи* и *черкесы*, наряду с языческими представлениями остаются привержены христианской Церкви. О степени христианизации черкесов мы узнаем из записок побывавшего в конце XV в. на Северо-Западном Кавказе итальянского путешественника Джорджио Интериано, который впервые упоминает этноним *адыги* и отмечает: *«Они исповедуют христианскую религию и имеют священников по греческому обряду. Знатные не входят в храм до шестидесятилетнего возраста, ибо, живя, как и все они, грабежом, считают это недопустимым, дабы не осквернить церкви. По прошествии же этого срока, или около того времени, они оставляют грабеж и тогда начинают посещать богослужение, которое в молодости слушают не иначе, как у дверей церкви и не слезая с коня... Священники у них служат по-своему, [употребляя] греческие слова и начертания, не понимая их смысла»²¹.*

Массовое переселение части адыгских племен в районы Центрального Предкавказья, вызванное Османскими завоеваниями в Северо-Восточном Причерноморье, с одной стороны, и распадом Большой Орды, с другой, привело к образованию восточного адыгского субэтноса – кабардинцев. В XVI в. М. Броневский, польский дипломат и государственный деятель, характеризуя верования кабардинцев, пишет: *«И хотя они называются христианами и известно, что большая часть их была*

²¹ Джорджио Интериано, 1974. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик. С. 47.

таковыми еще во времена генуэзцев, но, лишённые в дальнейшем храмов и [покинутые] священниками, они теперь сохраняют лишь смутное представление о религии. Большинство из них – идолопоклонники»²².

Последняя четверть XV в. ознаменована распространением в Северном Причерноморье внешнеполитической активности османского государства, оказавшей непосредственное воздействие на жизнь народов Западного Кавказа, проживавших по соседству с подчинившимся султану Крымским ханством и одновременно с ним попавших в сферу завоевательных интересов османских султанов. В период Крымско-Османского владычества среди адыгов распространяется ислам. Однако распространение его происходило далеко не мирным путем, вплоть до XVII в. основная часть населения не была мусульманизирована. На большей территории расселения адыгов распространение ислама по памятникам археологии фиксируется с XVIII в. Согласно источникам, процесс обращения адыгского населения в ислам протекал не равномерно, во многом зависел от внешних факторов, особенно от прочности позиций сторон русско-османского противостояния.

Материалы археологии показывают, что все еще сильны оставались традиционные политеистические верования (Грузинка Хв, Лысенков I). В горных районах Северо-Западного Кавказа языческие представления оказались особенно прочными²³. Восприятие мусульманских традиций и обрядов происходило избирательно, так же как ранее лишь некоторые христианские традиции получили распространение в местной среде в весьма специфической форме, они обогатили сложную картину верований населения, основу которых составляли древние языческие представления.

²² *Броневский М.*, 1974. Описание Татарию // АБКИЕА – Нальчик. С. 54.

²³ *Хан-Гирей*, 1974. Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов. Нальчик. С. 172; *Лавров Л.И.*, 1959. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М. С. 235.

Работы, опубликованные в ведущих научных изданиях, рекомендованных ВАК для публикации основных результатов диссертаций

1. Дружинина И.А. К вопросу об этнокультурных контактах на территории Центрального Предкавказья в XVI–XVII вв. (по материалам малокабардинских курганов) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 224. М., 2010. С. 304-315.
2. Дружинина И.А. Распространение ислама у адыгов Северо-Западного Кавказа (по материалам курганных могильников XVII–XVIII вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. М.–Магнитогорск–Новосибирск, 2010. С. 102-106.
3. Дружинина И.А. Адыги предгорий Северо-Западного Кавказа в XIV–XVIII вв. (по материалам курганных могильников среднего течения р. Абин) / И.А. Дружинина, В.Н. Чхаидзе // Этнографическое обозрение. № 2. М., 2011. С. 149-156.
4. Дружинина И.А. О группе средневековых курганов бассейна Верхней Кубани // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 226. М., 2012. С. 196-212.
5. Дружинина И.А. Погребение с пряжками-пафтами из адыгского могильника Грузинка Ха // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 232. М., 2014. С. 80-89.
6. Дружинина И.А. Предметы вооружения из курганного могильника Сидоренкова щель / А.В. Дмитриев, И.А. Дружинина // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 253. М., 2018. С. 348-367.
7. Дружинина И.А. Поливная тарелка из кургана у станицы Абинская (по материалам раскопок В.Г. Тизенгаузена в Кубанской области, 1879 г.) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 253. М., 2018. С. 305-314.
8. Дружинина И.А. Могильник близ аула Кашхатау (По материалам исследований И.А. Владимировой, 1897 г.) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2018. С. 177-186.

Работы по теме диссертации, опубликованные в других научных изданиях

9. Дружинина И.А. Работы Адыгейского разведочного отряда ИА РАН в Краснодарском крае в 2003 г. / И.А. Дружинина, В.Н. Чхаидзе // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир, 2004. С. 350-351.
10. Дружинина И.А. Раскопки средневековых курганов на реке Абин /И.А. Дружинина, У.Ю. Кочкаров, В.Н. Чхаидзе // Археологические открытия (далее – АО) 2003 года. М., 2004. С. 261-262.
11. Дружинина И.А. Граффити из Софии Киевской – свидетельство христианизации касогов в конце XI – начале XII вв. / В.Н. Чхаидзе, И.А. Дружинина // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 155-158.
12. Дружинина И.А. Исследование древних памятников Абинской долины / А.Н. Гей, Е.И. Савченко, А.Н. Черкасов, И.А. Дружинина // АО 2004 года. М., 2005. С. 275-277.
13. Дружинина И.А. Изучение средневековых курганов в долине реки Абин / И.А. Дружинина, У.Ю. Кочкаров, В.Н. Чхаидзе // АО 2004 года. М., 2005. С. 285-288.
14. Дружинина И.А. К вопросу о погребальном обряде позднесредневековых адыгов // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Выпуск 5. Армавир, 2005. С. 244-252. Рис. 1-4.
15. Дружинина И.А. К вопросу о хронологии погребальных памятников средневековых адыгов // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 78-81.
16. Дружинина И.А. Формы семьи у адыгов XIV–XV вв. (по материалам погребальных памятников района Анапы–Геленджика) // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. Тезисы докладов всероссийской научной конференции. М., 2005. С. 41-42.

17. Дружинина И.А. Адыги и Золотая Орда // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. III международная научная конференция посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Тезисы докладов. М., 2006. С. 130-131.
18. Дружинина И.А. К вопросу об освоении адыгами территории Центрального Предкавказья (по материалам курганного могильника № 3 у сел. Чегем II) // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006. С. 79-81.
19. Дружинина И.А. Особенности погребения детей у адыгов XVI–XVII вв. // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Материалы. Сухуми, 2006. С. 159-162.
20. Дружинина И.А. Применение археолого-географических информационных систем (АГИС) в изучении социальной организации адыго-абазинского населения позднего средневековья // Археология и геоинформатика. Вып. 3. [Электронный ресурс]. М., 2006. CD-Rom.
21. Дружинина И.А. Исследование средневековых курганов в долине реки Абин / И.А. Дружинина, У.Ю. Кочкаров, В.Н. Чхаидзе, А.А. Шевченко // АО 2005 года. М., 2007. С. 309-311.
22. Дружинина И.А. Курганый могильник в урочище Гора близ Пятигорска (по материалам раскопок Д.Я. Самоквасова) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 8. Армавир, 2007. С. 158-176.
23. Дружинина И.А. Позднесредневековые курганы могильника «Малые кургашки» (Окрестности сел. Каладжинка в Лабинском районе Краснодарского края) / И.А. Дружинина, Е.И. Нарожный, П.В. Соков // Археологический журнал. № 1. Армавир, 2007. С. 115-135.
24. Дружинина И.А. Этнографические параллели погребального обряда населения среднего течения реки Абин XVI–XVIII вв. (по материалам курганного могильника Грузинка X) / И.А. Дружинина, В.Н. Чхаидзе // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Материалы международной научной конференции. Махачкала, 2007. С. 221-224.
25. Дружинина И.А. К вопросу об освоении адыгами территории Центрального Предкавказья (по материалам курганного могильника № 3 у сел. Чегем II) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971–2006. М., 2008. С. 915-916.
26. Дружинина И.А. Кабардинские курганы на территории Северной Осетии // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 151-153.
27. Дружинина И.А. Ольга Викторовна Милорадович (1907–1997) / В.Н. Чхаидзе, И.А. Дружинина // Археологический журнал. № II. Армавир, 2008. С. 140-143.
28. Дружинина И.А. Позднесредневековые курганы станицы Крепостной Северского района края (Публикация материалов) / И.А. Дружинина, Е.И. Нарожный, П.В. Соков // Наследие Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2008. С. 280-353.
29. Дружинина И.А. Исследование курганов на реке Белой / И.А. Дружинина, В.Н. Чхаидзе // АО 2006 года. М., 2009. С. 372-373.
30. Дружинина И.А. Об одном из локальных вариантов погребального обряда адыгов Северо-Западного Кавказа // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 111-115.
31. Дружинина И.А. Социальный аспект изучения погребений кабардинского курганного могильника № 2 у с. Чегем II // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13. Воронеж, 2009. С. 290-291.

32. Дружинина И.А. Куда ведет Адыгэ гьогужь? Расселение адыгов в эпоху средневековья // Достояние поколений. № 1 (8). М., 2010. С. 24-29.
33. Дружинина И.А. Металлические зеркала из погребальных памятников адыгов эпохи средневековья района Анапы-Новороссийска // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010. С. 121-127.
34. Дружинина И.А. Погребальные конструкции в курганах адыгов XIV–XVIII вв. // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Магас. 26-30 апреля 2010 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас, 2010. С. 124-126.
35. Дружинина И.А. Работы в Абинском районе Краснодарского края / И.А. Дружинина, В.Н. Чхаидзе, П.С. Успенский // АО 2007 года. М., 2010. С. 264-265.
36. Дружинина И.А. Работы Абинской экспедиции ИА РАН в Краснодарском крае / И.А. Дружинина, В.Н. Чхаидзе // АО 2008 года. М., 2011. С. 275-276.
37. Дружинина И.А. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой / М.В. Горелик, И.А. Дружинина // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1 (№ 2). М., 2011. С. 39-63.
38. Дружинина И.А. Погребение знатного адыгского воина из кургана Асран / И.А. Дружинина, В.Н. Чхаидзе // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Махачкала, 23-28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012. С. 319-320.
39. Дружинина И.А. Отражение эволюции религиозных представлений в погребальном обряде адыгов XIV–XVIII вв. // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 1. Нальчик, 2012. С. 110-122.
40. Дружинина И.А. О работах Абинской экспедиции ИА РАН / И.А. Дружинина, В.Н. Чхаидзе, Д.В. Каштанов // АО 2009 года. М., 2013. С. 177-180.
41. Дружинина И.А. Сообщение Джорджио Интериано о погребальном обряде черкесов в свете данных археологии // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2013. С. 118-121.
42. Дружинина И.А. Два воинских погребения из курганного могильника у станицы Кужорская (Адыгея): по материалам раскопок Н.И. Веселовского // Историко-археологический альманах. Вып. 12. Армавир; Краснодар; М., 2013. С. 127-133.
43. Дружинина И.А. Два типа древкового оружия Северо-Западного Кавказа // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной конференции. М., 2014. С. 340-343.
44. Дружинина И.А. Зихская епархия и попытка христианизации зихов / В.Н. Чхаидзе, И.А. Дружинина // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 16–18 апреля, 2014 г. Материалы конференции. М., 2014. С. 286-291.
45. Дружинина И.А. Кабардинский курганный могильник Каррас (по материалам раскопок Д.Я. Самоквасова в Пятигорье 1881 года) / И.А. Дружинина, Д.В. Пежемский // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том III. Казань, 2014. С. 34-37.
46. Дружинина И.А. О группе погребений в «медных гробах» на территории Северо-Западного Кавказа // Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография. Кн. (ММХIV) I. Зимовники, 2014. С. 263-276.
47. Дружинина И.А. О работах Абинской экспедиции Института археологии РАН в 2012 г. / И.А. Дружинина, В.Н. Чхаидзе, П.С. Успенский, Д.В. Пежемский // АО 2010–2013 годов. М., 2015. С. 351-353.

48. Дружинина И.А. Работы в г. Геленджик Краснодарского края / В.Н. Чхаидзе, И.А. Дружинина // АО 2010–2013 годов. М., 2015. С. 441-442.
49. Дружинина И.А. Раскопки кургана Асран в Адыгее / И.А. Дружинина, В.Н. Чхаидзе, А.А. Шевченко // АО 2010–2013 годов. М., 2015. С. 354-355.
50. Дружинина И.А. К изучению этногенеза адыгов по данным краниологии: археологический контекст // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы международной конференции. Грозный, 2016. С. 211-214.
51. Дружинина И.А. Нижнее Закубанье в XIII–XIV вв.: на границе культур и природных зон // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы VII международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 215-218.
52. Дружинина И.А. Новые материалы о населении северо-западного Кавказа в эпоху Золотой Орды / И.А. Дружинина, А.А. Малышев, М.Б. Медникова, В.Л. Лысанов // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул, 2017. С. 332-333.
53. Дружинина И.А. Историческая область Папагия трактата Константина VII Багрянородного «Об управлении империей». История изучения // Нижневолжский археологический вестник. Том 16. № 2. Волгоград, 2017. С. 33-49.
54. Дружинина И.А. *Папагия* в трактате «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного // Восточная Европа в древности и средневековье. Античные и средневековые общности. XXIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 19–21 апреля, 2017 г. Материалы конференции. М., 2017. С. 76-81.
55. Дружинина И.А. Шестопер из кургана у станицы Абинская (по материалам раскопок В.Г. Тизенгаузена в Кубанской области, 1879 г.) // Археология евразийских степей. № 5. Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. Казань, 2017. С. 99-107.
56. Дружинина И.А. Историческая область Папагия трактата Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» в свете письменных и археологических источников // Нижневолжский археологический вестник. Том 17. № 1. 2018. С. 76-89.
57. Дружинина И.А. К этнокультурной характеристике населения Северо-Западного Кавказа XI–XIII вв. (по материалам погребального обряда) // Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17–20 апреля, 2018 г. Материалы конференции. М., 2018. С. 104-108.
58. Дружинина И.А. Курганный могильник Сидоренкова Щель / А.В. Дмитриев, И.А. Дружинина // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» Материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22-29 апреля 2018 г. Карачаевск, 2018. С. 444-447.
59. Дружинина И.А. На краю византийской ойкумены: зихи, касахи, папаги в VIII–XII вв. // X Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» (Севастополь – Балаклава, 28 мая – 1 июня 2018 г.). Материалы научной конференции. Севастополь; Симферополь, 2018. С. 69-74.
60. Дружинина И.А. О так называемых *касожской*, *белореченской* и *старокабардинской* «археологических культурах» / В.Н. Чхаидзе, И.А. Дружинина // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» Материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22-29 апреля 2018 г. Карачаевск, 2018. С. 507-509.
61. Дружинина И.А. От Констатинополя до Ханбалыка: о верованиях населения Северо-Восточного Причерноморья XIII–XIV вв. (на примере одной археологической находки) // Византийский мир: реалии и интерпретации. Тезисы докладов XIV научных Созюмовских чтений. Екатеринбург, 10-12 октября 2018 г. Екатеринбург, 2018. С. 22-24.